

Научная статья  
УДК 343.98  
EDN TBPIID  
DOI 10.17150/2411-6122.2025.4.72-82



## **Характеристика преступлений несовершеннолетних, связанных с совершением деструктивных действий**

**С.В. Серебрянников**

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,  
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, stas.serb@gmail.com

**Аннотация.** Втягивание несовершеннолетних в деструктивные действия является одной из сложных социально-политических проблем современного российского общества. Это обусловлено многообразием форм экстремизма, широким спектром радикальных течений и неоднородным составом экстремистских организаций, дестабилизирующих общественно-политическую ситуацию в стране. Под воздействием целого ряда факторов — социальных, политических, экономических и информационных — подростки и молодежь, как наиболее уязвимая часть общества, становятся восприимчивыми к радикальной идеологии. Это приводит к их вовлечению в противоправную деятельность, в том числе в экстремистские и террористические группировки, использующие несовершеннолетних в своих интересах. В результате установлено, что деструктивные действия несовершеннолетних часто являются реакцией на совокупность внешних и внутренних факторов. Статистические данные фиксируют устойчивую тенденцию к омоложению преступников и выявляют проблемы в действующих системах профилактики, предупреждения и выявления подобных проявлений.

**Ключевые слова:** экстремизм, буллинг, травля, скользутизм, массштинг, колумбайн, несовершеннолетние, группа, мотивация, факторы, расследование, профилактика.

**Для цитирования:** Серебрянников С.В. Характеристика преступлений несовершеннолетних, связанных с совершением деструктивных действий / С.В. Серебрянников. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.4.72-82. — EDN TBPIID // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 4. — С. 72–82.

Original article

## **Characteristics of Juvenile Crimes Involving Destructive Actions**

**S.V. Serebryannikov**

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,  
Rostov-on-Don, the Russian Federation, stas.serb@gmail.com

**Abstract.** The involvement of minors into destructive actions is one of the complex socio-political problems of modern Russia. This is caused by the diversity of the forms of extremism, a wide range of radical movements, and a non-uniform composition of extremist organizations destabilizing the socio-political situation in the country. Under the influence of a range of factors — social, political, economic and informational — teenagers and young people, being the most vulnerable part of the society, grow susceptible to radical ideologies, which results in their involve-

ment in unlawful activities, including extremist and terrorist groups who use minors in their own interests. It is established that destructive actions of minors are often a reaction to an aggregate of external and internal factors. Statistical data identify a persistent trend for younger offenders and reveal problems in the current systems of prevention and detection of such incidents.

**Keywords:** extremism, bullying, harassment, school shooting, mass shooting, Columbine, minors, group, motivation, factors, investigation, prevention.

**For citation:** Serebryannikov S.V. Characteristics of Juvenile Crimes Involving Destructive Actions. *Sibirskie Ugоловно-Процессуальные и Криминалистические Чтения = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no 4, pp. 72–82. (In Russian). EDN: TBPIID. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.4.72-82.

Современное понимание деструктивной преступности характеризуется совершением преступлений, создающих угрозу общественному порядку, общественной безопасности, государственного строя, а также жизни и здоровья людей. К таковым преступлениям относятся как традиционные различные формы организованного терроризма и экстремизма, так и относительно новые разновидности, такие как скулштинг и направленный буллинг. Отнесение последних двух видов деструктивного поведения к отдельной категории деяний вне рамок общего понимания терроризма и экстремизма обусловлено тем, что реальные случаи скулштинга и буллинга зачастую не подпадают под формальное определение терроризма и экстремизма.

Скулштинг и буллинг по своим общим признакам могут являться формой реализации экстремистских взглядов и террористических намерений. Это характерно для регионов с высокой степенью межнациональной напряженности, политической нестабильности, социально-экономических проблем. Такие условия создают благоприятную среду для возникновения у определенных категорий населения потребности к формированию образа врага, повинного во всех существующих проблемах, либо укоренению идей о превосходстве, главенствующей роли каких-либо этнических групп на дан-

ной территории, либо в стране в целом. Если подобные ситуации контролируются, либо не достигают критических точек, то проявляются по большей части как раз в точечных конфликтах. А поскольку несовершеннолетние, являющиеся в большинстве своем учащимися образовательных учреждений, наиболее подвержены восприятию массовых идей в своей социальной среде, то зачастую именно они и становятся непосредственными участниками и зачинщиками деструктивного поведения среди близких возрастных групп.

Буллинг, или более привычное «травля» — это агрессивное преследование, издевательство над одним из членов коллектива со стороны другого, но также часто группы лиц, не обязательно из одного формального или признаваемого другими коллектива. По словам уполномоченного по правам ребенка при президенте России Анны Кузнецовой «более половины детей в России (55%) сталкивались с буллингом». Для несовершеннолетних наиболее характерно проявление организованной агрессии в отношении своих, либо младших возрастных групп, реже в отношении старших возрастных групп и еще реже в отношении взрослых с существенной разницей в возрасте (учителя, родители, соседи и т.д.) [1].

Булинг подразумевает доминирование преследователя над жертвой, сопровождающееся и характеризую-

щееся агрессивным поведением, неравенством сил и способов борьбы, систематичностью, целенаправленностью.

Таким образом следует ограничивать буллинг от единичных случаев проявления насилия независимо от причин и поводов, а также от конфликтов, подразумевающих равные условия для конфликтных сторон.

Буллинг долгое время в общественном сознании воспринимался как естественный этап взросление, своеобразный «ритуал», прохождение которого формировало зрелую личность. Однако, к сегодняшнему дню большинство ученых и специалистов сходятся во мнении, что данные проявления являются разрушительными для социума и отдельной личности [2]. Норвежский психолог Дэн Ольвеус, который и ввел термин «буллинг» в 1993 г., отмечает, что агрессоры часто обладают нарциссическими чертами, а жертвы — низкой самооценкой [3].

Реакционным поведением на буллинг в свою очередь может стать скользинг, который является разновидностью массшутинга — массового убийства, совершенного с помощью огнестрельного оружия.

Скулшутинг — это вооруженное нападение внутри учебного заведения, характеризующееся определенным специфическим местом совершения преступления, отсутствием строго определенного типа преступника, наличием умысла на причинение смерти или тяжкого вреда здоровью в отношении группы лиц, применением огнестрельного оружия и взрывных устройств [4].

2 февраля 2022 г. Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил иск Генеральной прокуратуры и признал Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») террори-

стической организацией, запрещенной на территории России в любом виде (№ АКПИ21-1059С), вступило в силу 11 марта 2022 г. Понятие «колумбайн» стало синонимом скользинга В связи с трагедией, произошедшей в апреле 1999 г. в школе Колумбайн (США), когда в результате нападения двух учеников старших классов (Эрик Харрис и Дилан Клиболд) погибли 13 чел. [5].

Для истинного понимания сущности и структуры обоих этих явлений важно в первую очередь понимать кто и почему идет на деструктивные действия.

Изучая отдельных несовершеннолетних лиц, совершающих деструктивные действия, а именно буллинг и скользинг, можно составить детализированный психологический портрет типичного преступника.

#### 1. Личностные черты.

— недостаток эмпатии — наблюдается дефицит, либо полное отсутствие способности к сопереживанию, порой на грани патологии;

— агрессивность и импульсивность — незрелая и подвижная психика крайне зависима от эмоций и мгновенных побуждений, вкупе с низкой способностью к критическому мышлению. Лукашкова И.Л. отмечает, что около 68 % стрелков действовали под влиянием сильных эмоций [6];

— нарциссизм — завышенная самооценка и болезненное желание доказать всем и каждому свою исключительность и превосходство над другими.

#### 2. Психические особенности.

— субклинические расстройства — депрессии и параной. Депрессивные и тревожные эпизоды, усугубляемые параноидальными идеями, выявлены у примерно 60 % несовершеннолетних, совершающих деструктивные действия;

— когнитивные искажения — маниакальный перфекционизм и манихейское

мышление. Здесь речь идет о более серьезных психических расстройствах, чем острые неврозы и психозы, так как имеют устойчивый характер. Перфекционизм не позволяет принимать собственные неудачи и ошибки и делать из них логические выводы, а любая критика воспринимается агрессивно. Развивается это в болезненное убеждение, что все окружающие люди, либо даже сам Мир настроены враждебно к субъекту переживаний, которое формирует бредовые идеи борьбы с несправедливостью.

### 3. Мотивация.

— месть — деструктивное поведение и в особенности скулштинг зачастую является реакцией на схожее поведение в отношении самого преступника ранее. Примерно 40% стрелков в прошлом являлись жертвами травли и издевательств;

— радикализация — как отмечалось ранее деструктивное поведение и экстремизм — это два тесно переплетенных явления. Несовершеннолетние являются податливым материалом для психологической обработки и становления террориста-одиночки, что стимулируется стремлением быть частью чего-то значимого;

— онлайн-культура — близким к радикализации, но все же отдельным от нее, является влияние определенных сообществ, романтизирующих или каким-то иным способом одобряющих деструктивное поведение. Как самый яркий пример, можно вспомнить Ильназа Галиавиева, у которого после задержания сформировался довольно массивный фан-клуб в сети, призывающий «не наказывать, потому что он красивый» [7].

### 4. Социальные факторы.

— семейные проблемы — в первую очередь речь идет о неблагополучных семьях, отношения в которых сопряжены с насилием и различными зависимо-

стями. Около 70 % несовершеннолетних, совершающих деструктивные действия являются членами таких семей. Вторым не малозначимым фактором становится отсутствие эмоциональных связей между членами в том числе благополучных полных семей с хорошим достатком. Отсутствие адекватной реакции и поддержки в семье, приводит к поиску таковых среди деструктивных сообществ, предлагающих «простые» решения [8];

— изоляция — как фактор деструктивного поведения довольно часто существует в синергии с предыдущим пунктом. В данном случае под изоляцией понимается выдворение из традиционного социума (школьный коллектив, друзья, товарищи по интересам) в силу неуспеваемости, низкого статуса, не-принятия общепризнанных в данном обществе норм поведения и т.д.;

— цифровая среда — в отличии от оправдывающих конкретно деструктивное поведение онлайн-сообществ, в данном случае рассматривается влияние различных хейт-групп, аккумулирующих чувство ненависти и ложные убеждения, не призываю напрямую к совершению преступлений, однако формирующих определенные психические установки [9].

В сентябре 2022 г. в Ижевске произошло массовое нападение на школу №88. 34-летний Артем Казанцев, вооруженный двумя пистолетами, убил 17 чел., включая детей и учителей. Кроме того, расследование выявило, что преступник находился под влиянием онлайн-сообществ, пропагандирующих насилие, что подтверждает связь между радикальным контентом в интернете и реальными преступлениями.

Исходя из данных о зарегистрированных за последние 5 лет происшествиях в учебных заведениях на территории Российской Федерации показал, что преступники при нападении, как

правило, копируют сценарии и тактику ранее совершенных аналогичных наиболее резонансных преступлений, используют огнестрельное оружие, а самодельные взрывные устройства, собранные из компонентов, находящихся в свободной продаже. «Благодаря» Эрику Харрису особое символическое значение для стрелков имеют дробовики и помповые ружья. Значительно реже используется холодное оружие.

Ярким примером данного тезиса в России стало нападение на школу №175 в Казани 11 мая 2021 г. 19-летний Ильназ Галиевиев, ранее обучавшийся в этом учебном заведении, открыл стрельбу, в результате чего погибли 9 человек, включая 7 школьников. Преступник использовал зарегистрированное охотничьe оружие, а его мотивы включали чувство социальной изоляции и желание «мести» за мнимые обиды. Этот инцидент стал катализатором ужесточения законодательства об обороте оружия в РФ.

Обобщая и систематизируя все вышеописанное, можно также выделить определенные типовые различия между типами деструктивных преступников в зависимости от совершаемых ими деяний.

Важно отметить, что данное разграничение носит условный характер, так как в реальности все указанные критерии могут определяться сложным гибридным характером.

Способы совершения буллинга и скулштинга определяются природой данных деяний.

Буллинг существует в нескольких уже традиционных формах, что в данном случае является и способом его совершения:

- физический буллинг — прямое физическое и сексуальное насилие;
- Психологический буллинг — вербальная и невербальная агрессия, вымогательства;
- социальный буллинг — бойкоты и изоляция, распространение слухов и сплетен;
- кибербуллинг — анонимные угрозы, доксинг, создание оскорбительного контента.

Скулштинг в свою очередь отличается по данному критерию от буллинга довольно серьезно. Его форма является единственной и не претерпевает серьезных изменений в тех или иных случаях. При этом способы совершения представляют определенный интерес, так как крайне зависят от самого будущего преступника, так и от уникальных объективных факторов.

Говоря о способах совершения скулштинга можно выделить 3 основных характерных аспекта:

#### *Подготовка к нападению.*

1. Первоочередной задачей, возникающей перед будущим преступником, становится допуск к оружию. В подавляющем большинстве случаев выделяют два пути получения оружия:

- кража у родственников и знакомых, владеющих и хранящих оружие на законных основаниях;

### **Типовые различия между типами деструктивных преступников**

Критерий	Буллер	Скулшутер	Экстремист
Мотивация	Доминирование	Месть или самовоз- величивание	Идеология
Социальные связи	Групповая агрессия	Одиночка	Член радикальной группы
Психический статус	Низкая самооценка	Нарциссизм	Фанатизм

– незаконное приобретение через Darknet или иные сходные способы.

2. Если не удается раздобыть оружие, то остается вариант изготовления поражающих орудий. Чаще всего это:

- взрывчатые вещества из бытовой химии (натриевая селитра, алюминиевая пудра);
- «коктейли Молотова».

Состав и инструкцию по изготовлению преступник также способен найти в интернете, в том числе и в Clearnet.

3. Последним элементом подготовки является изучение инфраструктуры учебного заведения.

Чаще всего скульптуинг совершают лица, связанные с конкретным образовательным учреждением как учащиеся, реже выпускники, еще реже друзья и знакомые учащихся и выпускников. Данное обстоятельство дает преступникам преимущество в виде знаний об внутреннем устройстве помещений, режиме охраны, неочевидных деталях вроде заблокированных дверей и неисправных замках<sup>1</sup>.

Однако даже при общей осведомленности о строении здания и прилегающих территорий, может возникнуть необходимость уточнения отдельных технических моментов.

#### *Определение тактики нападения.*

1. Во-первых, определяющим элементом становится выбор времени нападения. Наиболее эффективными с точки зрения стрелка будут:

- начало учебного дня;

<sup>1</sup> Типовая модель действий нарушителя, совершающего на объекте образования преступление террористической направленности в формах вооруженного нападения, размещения взрывного устройства, захвата заложников : прил. к Письму Минпросвещения РФ от 1 июля 2022 г. № АК-863/14 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-ot-01072022-nak-86314-o-napravlenii>.

– массовые мероприятия (линейки, праздники, собрания).

2. Во-вторых, стрелки чаще всего используют элемент неожиданности, что для них является довольно простой задачей. Как показывает практика, даже с учетом подозрительного поведения будущего преступника задолго, либо непосредственно перед совершением преступления, никто не испытывает реальных опасений по поводу возможности скульптуинга с его стороны. Сложнее ситуация в случаях, когда стрелок является бывшим учащимся в силу возраста, либо по причине отчисления, однако, здесь может сыграть на руку привычка окружения относится к его присутствию как к естественному процессу, либо грамотная маскировка стрелка.

3. В-третьих, как было сказано ранее, для стрелков важным является публичность и показательность их действия. По этой причине частыми «спутниками» непосредственно массовых убийств становятся онлайн-трансляции и заранее записанные «обращения» к подписчикам, если преступник вел блогерскую активность.

#### *Использование специальной техники.*

Подразумевается применение преступником специальных средств разведки, например, гражданских дронов при подготовке к нападению. Пожалуй, наиболее редко встречающийся элемент, по причине того, что требует дополнительных материальных затрат, которые не всегда доступны типичному скульптуеру, а также того, что стрелок обычно и так осведомлен о месте будущего преступления.

Может возникнуть логичный вопрос: если все составляющие деструктивного поведения несовершеннолетних известны и понятны, почему тогда они распространены и каждый случай

буллинга или скулштутинга представляется некой неожиданностью?

Ответ в существующих проблемах своевременных выявления и профилактики данных деяний.

Профилактические меры осложняются в первую очередь нехваткой квалифицированных школьных психологов и соответствующих мероприятий (тестирований, опросов, индивидуальной и групповой работы) как для учеников, так и для педагогов и родителей [10]. Также существенным препятствие является слабая координация между образовательными учреждениями и правоохранительными органами, что выражается в попытках утаить случаи реального проявления насилия и ненависти среди учеников, выдавая это за «детские игры», либо сообщая заведомо ложные сведения о якобы принятых мерах.

Сложности также существуют и в правовом поле. Например, в российском уголовном праве до сих пор не урегулированы вопросы ответственности за кибербуллинг, в части его квалификации как отдельного состава преступления. Также положения ст. 20 УК не позволяют привлекать к ответственности лиц моложе 16 лет за распространение экстремистских материалов, что позволяет несовершеннолетним безнаказанно выступать, если не в роли организаторов, то как минимум посредников [11].

Основное императивное регулирование правонарушений в данной сфере охватывается преимущественно ст. 119 «Угроза убийством» и ст. 110–110.1 «Доведение до самоубийства» и «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» УК РФ, а также ст. 5.61 КоАП «Оскорбление».

Говоря о предупреждении действий, связанных с буллингом, то с точки зрения закона стоит обратить внимание на ст. 41 и 45 Федерального закона «Об

образовании», где указано, что «образовательные организации обязаны обеспечивать безопасность учащихся, в том числе защиту от психологического насилия» и «школы должны разрабатывать меры профилактики агрессивного поведения». Однако, реальные прописанные механизмы реализации данных требований на уровне законодательства не разработаны.

Техническая сторона проблемы характеризуется с одной стороны естественными процессами развития и расширения доступности сетевых ресурсов, в первую очередь анонимного типа (мессенджеры с шифрованием, VPN-сервисы), а с другой вынужденным техническим отставанием правоохранительной системы в виде нехватки ресурсов для мониторинга всех потенциально опасных сообществ и каналов

И нельзя забывать о таких социальных преградах как все еще существующий страх и недоверие пострадавших и свидетелей перед правоохранительными органами, что провоцирует рост лояльности данных деяний и безнаказанность преступников, и стигматизация психических расстройств в обществе, что мешает препятствующая раннему обращению за медицинской помощью людей, склонных к насилию и агрессии.

В настоящее время в Российской Федерации противодействие буллингу и кибербуллингу регулируется на федеральном и региональном уровнях через законодательные акты, государственные программы и общественные инициативы.

На федеральном уровне необходимо отметить:

1. Стратегия развития воспитания до 2025 г. включает задачи по профилактике агрессии, формированию толерантности и созданию безопасной среды в школах.

2. Проект «Цифровая образовательная среда» Минпросвещения РФ включает модули по цифровой безопасности и профилактике кибербуллинга.

3. План Правительства РФ по Программе «Десятилетие детства» на 2018–2027 г. упоминает меры по защите детей от насилия, в том числе в цифровой среде.

На региональном уровне значимыми являются:

1. Проект «Московская электронная школа» с модулями по цифровой безопасности и Программы тренингов для педагогов и родителей по профилактике буллинга в Москве и Московской области.

2. Программа «Толерантность», включающая антибуллинговые мероприятия в школах Санкт-Петербурга.

3. Пилотные проекты по внедрению школьных служб примирения — школьной медиации, в Республике Татарстан

4. Региональный проект «Безопасный интернет» с уроками по киберграмотности в Свердловской области.

В рамках общественных инициатив стоит выделить:

1. «Травли.Net» — НКО, проводящая тренинги для школ, разрабатывающая методики против буллинга и, в частности, их компания «Журавлик», реализующая «Месяц антибуллинга» и образовательные марафоны.

2. Центр «Перекресток» — организация, оказывающая психологическую помощь жертвам агрессии и буллинга.

3. «Кибердружина» — онлайн-добровольцы, борющиеся с проявлениями буллинга и кибербуллинга в Сети.

В целом представленные федеральные, региональные и общественные программы демонстрируют растущее внимание государства и гражданского общества к проблеме буллинга и кибербуллинга. Однако эффективность их реализации остается неоднородной и

зависит от уровня институциональной поддержки, подготовки педагогов, качества межведомственного взаимодействия и устойчивости финансирования.

Федеральные инициативы обладают высоким потенциалом за счет масштабности и нормативной поддержки.

Стратегия развития воспитания и «Десятилетие детства» формируют единый концептуальный подход, однако фактическая реализация носит фрагментарный характер: в большинстве регионов меры ограничиваются профилактическими беседами и разовыми тематическими уроками. Аналогичная ситуация наблюдается в проекте «Цифровая образовательная среда»: при наличии цифровых модулей по безопасности их применение зависит от инициативности конкретных школ, а системная оценка результатов отсутствует.

Региональные программы показывают более высокий уровень практической результативности благодаря конкретике инструментов и большему учету местных условий. Так, «Московская электронная школа» и проект «Толерантность» в Санкт-Петербурге активно интегрируют антибуллинговые методики в учебно-воспитательные процессы, обеспечивая педагогам методическую поддержку и тренинги. Пилотные службы медиации в Татарстане демонстрируют наибольшую эффективность: вовлечение школьных медиаторов, психологов и педагогов позволяет снижать уровень агрессии, урегулировать конфликты и предотвращать их эскалацию. Региональные проекты типа «Безопасного интернета» способствуют повышению цифровой грамотности, однако часто ограничиваются информационными акциями без последующего мониторинга.

Общественные инициативы оказывают значимый точечный эффект, осо-

бенно в части методической и психологической поддержки. Проекты НКО (например, «Травли.Net») обеспечивают практикоориентированные инструменты и обучающие программы, востребованные в школах, где отсутствуют собственные специалисты или методические ресурсы. Их сильная сторона — гибкость, современная подача материала и работа с родителями. Психологические центры, такие как «Перекрёсток», закрывают важную нишу поддержки жертв, в то время как «Кибердружина» расширяет общественный контроль в онлайн-среде. Вместе с тем масштаб таких инициатив ограничен, а их деятельность часто зависит от грантовой поддержки.

В целом можно отметить, что несмотря на разнообразие программ, наблюдается общая проблема: отсутствует единая национальная система мониторинга буллинга и оценки эффективности принятых мер. Многочисленные проекты действуют локально и несвязано, что снижает их интегративный потенциал. Наиболее результативными оказываются программы, где обеспечена системность, участие специалистов-психологов, подготовка педагогов и механизм обратной связи с обучающимися.

Подводя итог, можно заключить, что современное деструктивная преступность несовершеннолетних тесно связана с экстремистской деятельностью и радикализацией в обществе как индивидуумов, так и целых социальных групп на почве национальных, эт-

нических, политических, религиозных и иных разногласий. Несовершеннолетние традиционно, являясь наиболее легко вовлекаемой в любое массовое и поощряемое в своей социальной среде поведение группой, становится основной ударной силой реализации деструктивных идей и намерений. Среди наиболее доступных для них форм реализации экстремистской деятельности являются буллинг и скользинг, реже массштинг вне учебных заведений. Разнообразие способов и доступность технологий делают буллинг и скользинг наиболее распространенной и трудноотслеживаемой формой деструктивного поведения. Для преодоления существующих проблем и препятствий в деле борьбы с данными явлениями разумным представляется:

- усиление контроля за оборотом оружия и онлайн-контентом в тематических группах;
- разработка и внедрение программ психологической помощи и поддержки в учебных заведениях;
- развитие федеральных, региональных и общественных программ по противодействию буллингу и защите детей от агрессии;
- углубленное обучение сотрудников МВД работе в цифровой среде и психологии несовершеннолетних;
- изменение уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за кибербуллинг и экстремистскую деятельность малолетних лиц.

### Список использованной литературы

1. Журавлева А.В. Буллинг как деструктивный вид социального взаимодействия в подростковом возрасте / А.В. Журавлева. — EDN TVCZEI // Вестник науки. — 2023. — Т. 3, № 10 (67). — С. 400–409.
2. Позднякова М.Е. Деструктивное и криминальное поведение подростков в современной России: основные тенденции / М.Е. Позднякова, В.В. Брюно. — DOI 10.23672/SAE.2022.43.26.001. — EDN JCAGOZ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 12. — С. 76–86.

3. Ережипалиев Д.И. Преступность несовершеннолетних: современное состояние и деятельность органов прокуратуры по ее предупреждению / Д.И. Ережипалиев. — DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).98-108. — EDN YHZEGD // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 1. — С. 98–108.
4. Лукашкова И.Л. Феномен скользящего: причины и профилактика / И.Л. Лукашкова, А.А. Ященко. — EDN QMEEBF // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2021. — Т. 6, № 2 (12). — С. 337–341.
5. Пахальян Е.Д. К вопросу о квалификации вооруженных нападений на образовательные организации / Е.Д. Пахальян. — DOI 10.21661/r-559319. — EDN WFQCYC // Интерактивная наука. — 2023. — № 2 (78). — С. 117–119.
6. Лукашкова И.Л. Кибербуллинг в подростковой среде: актуальное состояние проблемы / И.Л. Лукашкова, М.Н. Сулимова. — DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p451-457. — EDN NOHBZF // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2020. — № 6 (184). — С. 451–457.
7. Ережипалиев Д.И. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних / Д.И. Ережипалиев. — DOI 10.18572/2072-3695-2023-4-13-19. — EDN WQECGD // Вопросы ювенальной юстиции. — 2023. — № 4. — С. 13–19.
8. Солдатова Г.У. Виды киберагgression: опыт подростков и молодежи / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, С.В. Чигарькова. — DOI 10.11621/npj.2020.0201. — EDN YJIBIE // Национальный психологический журнал. — 2020. — Т. 2, № 2 (38). — С. 3–20.
9. Панкова О.Н. Основные характеристики и особенности преступности несовершеннолетних / О.Н. Панкова. — EDN MMGJUC // Вестник науки. — 2025. — Т. 2, № 1 (82). — С. 370–377.
10. Шиняев К.А. Профилактика деструктивного поведения личности несовершеннолетнего / К.А. Шиняев. — EDN YNPYQX // Вестник практической психологии образования. — 2018. — № 1-2 (54-55). — С. 78–80.
11. Рыжова О.А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях / О.А. Рыжова. — DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-2-15. — EDN PVTWAD // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 2 (30). — С. 131–143.

## References

1. Zhuravleva A.V. Bullying as a Destructive Type of Social Interaction in Adolescence. *Vestnik nauki = Journal of Science*, 2023, vol. 3, no. 10, pp. 400–409. (In Russian). EDN: TVCZEI.
2. Pozdniakova M.E., Bryuno V.V. Destructive and Criminal Behavior of Adolescents in Modern Russia: Main Trends. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshcheshchennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2022, no. 12, pp. 76–86. (In Russian). EDN: JCAGOZ. DOI: 10.23672/SAE.2022.43.26.001.
3. Erezhipaliev D.I. Juvenile Delinquency at the Present Stage of Russian Society's Development. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 98–108. (In Russian). EDN: YHZEGD. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).98-108.
4. Lukashkova I.L., Yashchenko A.A. School Shooting Phenomenon: Causes and Prevention. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 337–341. (In Russian). EDN: QMEEBF.
5. Pakhalian E.D. On the Issue of the Qualification of Armed Attacks on Educational Institutions. *Interaktivnaya nauka = Interactive Science*, 2023, no. 2, pp. 117–119. (In Russian). EDN: WFQCYC. DOI: 10.21661/r-559319.
6. Lukashkova I.L., Sulimova M.N. Cyberbullying in the Adolescent Environment: Current State of the Problem. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*, 2020, no. 6, pp. 451–457. (In Russian). EDN: NOHBZF. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6. p451-457.
7. Erezhipaliev D.I. The Contemporary State and Tendencies with Regards to Crimes Committed by Minors. *Voprosy yuvenal'noi yustitsii = Issues of Juvenile Justice*, 2023, no. 4, pp. 13–19. (In Russian). EDN: WQECGD. DOI: 10.18572/2072-3695-2023-4-13-19.
8. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. Types of Cyberaggression: Adolescents and Youth Experience. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020, no. 2, pp. 3–20. (In Russian). EDN: YJIBIE. DOI: 10.11621/npj.2020.0201.

9. Pankova O.N. Main Characteristics and Features of Juvenile Crime. *Vestnik nauki = Journal of Science*, 2025, vol. 2, no. 1, pp. 370–377. (In Russian). EDN: MMGJUC.
10. Sinjaev K.A. Prevention of Destructive Behavior of the Individual Minor. *Vestnik prakticheskoi psichologii obrazovaniya = Bulletin of Psychological Practice in Education*, 2018, no. 1-2, pp. 78–80. (In Russian). EDN: YNPYQX.
11. Ryzhova O.A. Features of Juvenile Delinquency and Prevention Measures in Modern Conditions. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 131–143. (In Russian). EDN: PVIWAD. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-2-15.

### Информация об авторе

**Серебрянников Станислав Вадимович** — преподаватель, кафедра криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

### Author Information

**Serebryannikov, Stanislav V.** — Lecturer, Department of Forensic Science and Operational-Investigative Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 28.07.25

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.10.25

Принята к публикации / Accepted 18.11.25

Дата онлайн-размещения / Available online 28.11.25